

Шадрин А.Ю.

КРИЗИС МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ И РАСПАД СССР (1945 – 1991 гг.)

Аннотация: Система контроля и идеология – два основных рычага управления обществом в условиях мобилизационного типа развития. Пик эффективности этой модели приходится на послевоенный период. Однако перенапряжение сил поставило вопрос о необходимости подкрепить факторы принуждения и убеждения граждан мотивами личной заинтересованности, а управление экономикой и обществом перераспределить за счет партийного аппарата в пользу специалистов-хозяйственников. Таким образом, наблюдается функциональная дифференциация в среде советской «элиты» и возникают группы, имеющие особые интересы. После И.В.Сталина встал вопрос, какая из этих групп будет во главе государства. Потерянные позиции Совмина занимают КПСС в союзе с республиканскими органами, что приводит к оформлению ещё одной влиятельной группы интересов – национальной «элиты». Одновременно происходила хаотизация идеологии: на XX съезде ставится под сомнение вся прежняя государственная стратегия, а затем в программу партии вводятся утопические ориентиры развернутого строительства коммунизма. Борьба «элитных» групп привнесла и новые методы политического руководства. Приходят новые методы, базирующиеся на неформальных связях и отношениях. Каждый приход к власти нового советского руководителя все больше определялся клановыми отношениями. Так обстояло дело и с появлением во главе государства М.С. Горбачева. Групповые интересы все больше питались связями за пределами среды бюрократии и приблизились, в конце концов, к прямым контактам с криминальной средой. Государственный интерес в политике объективно вытеснялся интересами кланов. Власть утратила легитимность: надежды народа в начале перестройки, сменились страшным разочарованием и обернулись полным пренебрежением лично к самому Горбачеву и ко всему тому, что он олицетворял, в том числе – к социалистическому строю и союзному государству..

Review: The control system and ideologies are the two key levers for administration of the society in the conditions of mobilization type of development. The efficiency peak of this model took place during the post-war period. However, the overly hard pressures required support of coercion and convincing of the people by the personal interests, and economy and social administration should be reorganized by taking some functions away from the party apparatus to the specialists in economics. Therefore, the Soviet elite were functionally differentiated, and the groups holding special interests appeared. After the death of I.V. Stalin the key issue was which of these group shall lead the state. The Council of Ministers lost the grip, and its position was overtaken by the Communist Party of the Soviet Union and the republican bodies, which led to the formation of another influential interest group – national “elite”. At the same time ideology became more chaotic. At the XX Party Congress the entire existing state strategy was challenged, and the new utopian communism constructions were included into the party program. The strife among the “elites” brought new political administration methods, which were based on informal ties and relations. Each new Soviet leader was to a greater degree dependent on the relations among the clans. The same was true for M.S. Gorbachev. Group interests found connections outside bureaucracy sphere and ended up in direct contacts with the criminal spheres. The government lost legitimacy and the hopes of people at the start of Perestroika were thwarted and lead to the great deep disdain towards Gorbachev himself and everything that he personified, including the Socialist state order and the Union state.

Наследие и трансформации

Ключевые слова: *История, история СССР, послевоенная история, распад СССР, управление обществом, политика и идеология, власть, политическое лидерство, модель развития, мобилизационная модель*

Keywords: *history, history of the USSR, post-war history, break-up of the Soviet Union, politics and ideology, power, political leadership, model of development, mobilization model.*

Необходимость оправдания развала СССР – величайшей геополитической катастрофы XX века – вынуждала активных инициаторов этого процесса обращаться к тем аргументам, которые доказывали бы полную историческую несостоятельность советской модели развития. Главные из подобных аргументов десятилетиями накапливались в ходе «холодной войны» и в 50-е гг. XX в. были систематизированы в концепции тоталитаризма¹. Эта концепция, типологизирующая советский социализм и, скажем, германский нацизм как одинаково тоталитарные по своей природе, ставит нынешнюю Россию в ущербную позицию: ее суверенитет скрывается необходимостью оправдываться за свое прошлое, «отчитываться» перед «цивилизованным» миром за устранение его «родовых» признаков и последствий.

Основания для такой типологизации ее сторонники видят лишь в русле чисто внешних, формальных черт: общая мессианская моноидеология; единственная партия и ее обожествляемый вождь; государственная машина принуждения, развязывающая массовые репрессии, террор, преследование инакомыслия; монополия на информацию; централизованно управляемая мобилизационная экономика². Именно отказ от сущностного подхода к исследованию систем, зачисляемых в «тоталитарные», привел его адептов к абсурдной ситуации, «когда всем... в целом было ясно, что следует понимать под тоталитаризмом, но определить более или менее точные границы этого феномена и установить его основные черты так и не удавалось»³. Таким образом, «при всем разнообразии предлагаемых концептуализаций тоталитарной системы какого-то подобия консенсуса по поводу ее основных характеристик и составляющих... на сегодняшний день не

существует»⁴. Следовательно, концепция тоталитаризма не может рассматриваться в качестве универсального научного объяснения, а является лишь средством идеологической борьбы: «идеологи никогда не доходят до рационального анализа сходства и различий, ибо анализ даже самых сходных технологий в «сталинизме» и фашизме показывает, что речь идет о совершенно разных явлениях, лежащих на двух разных цивилизационных путях»⁵.

Более того, поиск общей «природы» советского, итальянского, немецкого и пр. «тоталитаризмов» именно как антиподов западной «демократии» в условиях тектонически меняющегося мироустройства грозит даже дезавуированием самой фундаментальной дихотомии «тоталитаризм – демократия». Со всей очевидностью это предстает в одной из недавних крупных работ «столпа» «тоталитаристской концепции» З. Бжезинского «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы»: «Американцы должны осознать, что их стандарты потребления скоро придут в открытое столкновение со все более нетерпеливыми эгалитарными устремлениями»⁶. Бжезинский, подчеркивая, что Америка «является подлинно демократической страной», вместе с тем ставит под сомнение подготовленность американской политической и социальной модели к защите американских интересов в новых условиях. Суть этих изменений он видит в необходимости централизации государственной власти, мобилизации финансовой системы, повышении ответственности граждан перед государством (но не государства перед гражданами), а также, что самое поразительное, в выработке единой государственной идеологии и персонификации власти: «В ближайшие годы президент должен будет ока-

¹ *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.

² *Бутенко А.П.* Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма // Социологические исследования. М., 1998. № 6. С. 30.

³ *Работяжев Н.В., Соловьев Э.Г.* Феномен тоталитаризма: политическая теория и исторические метаморфозы. М., 2005. С. 81.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ *Кара-Мурза С.* Немецкий фашизм и русский коммунизм – два тоталитаризма // Сергей Кара-Мурза и др. Коммунизм и фашизм: братья или враги? М., 2008. С. 8.

⁶ *Бжезинский З.* Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2007. С. 198.

Политика и общество 8 (104) • 2013

зять сильное личное влияние в деле просвещения общественности»⁷. Чем же американский президент будет отличаться от вождя? Таким образом, получается, что усвоение демократической Америкой «тоталитарных» черт диктуется вовсе не природой системы, а меняющимися условиями существования и дальнейшего развития системы.

Именно через призму объективных условий, а не природной предрасположенности следует подходить к особенностям советского строя. Менялись условия – менялась и степень государственного вмешательства в жизнь людей. Наиболее продуктивно такой подход в последние годы развился с введением в науку понятия «мобилизационный тип развития»⁸. Мобилизационный тип развития формируется в ответ на дефицит необходимых для развития ресурсов – материальных, интеллектуальных, внешнеполитических, ресурса времени, рабочей силы и т.д. Пример послевоенного развития СССР является прекрасной иллюстрацией непосредственной связи между объективными условиями существования советского государства и особенностями его общего устройства. Попытка применения мобилизационного подхода к общеизвестным и неоспоримым фактам последующей истории Советского Союза вплоть до его развала позволяет выстроить общую непротиворечивую историческую картину.

Ситуация с ресурсами, которыми СССР располагал после войны, катастрофически усугублялась целым рядом обстоятельств. Во-первых, еще в ходе войны возникает реальная угроза начала новой войны. Известно, что еще весной 1945 года западными союзниками был разработан план с красноречивым названием «Немыслимое», предполагавший новую войну, теперь против Советского Союза, с использованием военного потенциала, Германии.⁹ Этот план не был реализован, но в «холодных» формах, то есть без применения военных средств, тем не менее, он вскоре начал осуществляться. «Холодная война» в любой момент

могла превратиться в «горячую». Этим продиктованы задачи форсированного восстановления потенциала СССР, определенные в четвертом пятилетнем плане. Заметим: плановые сроки восстановления фактически совпадали со сроками разрушения.

Во-вторых, Советский Союз вынужден был помогать тем странам, которые рассматривались им как потенциальные союзники. В это самое время США проводили свой план Маршалла, план гигантской экономической помощи пострадавшим от войны странам (которая, кстати, многократно окупилась буквально через несколько лет). Поэтому СССР был вынужден осуществить что-то подобное плану Маршалла, то есть поделиться своими скудными ресурсами с другими странами. Таким образом, чтобы решить главную историческую задачу на тот момент – подготовиться к отражению военной угрозы, Советский Союз вынужден был мобилизовать все оставшиеся после войны ресурсы для того, чтобы максимально эффективно и целенаправленно их использовать. А это означало установление максимально возможного государственного контроля над этими ресурсами, в том числе – и над человеческими.

Единственными средствами мобилизации людских ресурсов могут быть принуждение и убеждение. В соответствие с этим и должен быть построен механизм проведения мобилизации. В ходе решения этих задач получила дальнейшее совершенствование сложившаяся уже к тому времени сверхцентрализованная система контроля. Складывавшаяся на ранних этапах советской государственности элита («номенклатура») была функционально однородна: и партийные аппаратчики, и народные комиссары, возглавлявшие органы управления (хозяйственные, военные, охранительные и т.д.), являлись представителями одного социального слоя¹⁰. В социальном и функциональном смысле интересы у людей, принимающих ответственные решения, совпадали. Однако, по мере нарастания и усложнения государственных задач, возникала необходимость функциональной дифференциации: представители власти – политики все больше превращались в специалистов-управленцев. Министерская реформа в 1947 г. официально закрепила такое уже сложившееся разделение труда внутри элиты. В результате, политический режим,

⁷ Там же. С. 193-200.

⁸ См. об этом: *Фролов И.Т.* О человеке и гуманизме. М., 1989; *Фонотов А.А.* Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993; *Красильщиков В.А.* Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; *Барсенков А.С.* Ведение в современную российскую историю 1985 – 1991 гг.: Курс лекций. М., 2002; *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. 2-е изд. М., 2007.

⁹ См.: *Барсенков А.С., Вдовин А.И.* История России. 1917 – 2004. М., 2005. С. 371.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Павроз А.В.* Группы интересов и трансформация политического режима в России. СПб., 2008. С. 70–74.

Наследие и трансформации

«ликвидировав прежние социальные антагонизмы... воспроизвел социальные противоречия внутри себя в форме противопоставления между различными элементами управленческо-бюрократического аппарата (ведомствами, отраслями, регионами, предприятиями и т.д.), вокруг которых и возникли многочисленные партикулярные группы интересов»¹¹. Контроль за министерствами осуществлял партийный аппарат. Партийные чиновники сами, в свою очередь находились под контролем органов госбезопасности. Все эти государственные и фактически надгосударственные органы находились под контролем лично самого И.В. Сталина. Таким образом, то, что мы называем мобилизационной системой развития, к концу правления Сталина, было полностью и целиком замкнуто на его личности. Сама же мобилизационная система оказалась на пике своих возможностей.

Второй составляющей вслед за организацией контроля в мобилизационной системе является идеология. Ее состояние в послевоенные годы можно определить как близкое к кризису. Во-первых, один из фундаментальных принципов марксистско-ленинской идеологии – принцип пролетарского интернационализма – не вполне выдержал испытания в годы Великой Отечественной войны. Принцип интернационализма необходимо было наполнить новым содержанием, отказываясь при этом от многих прежних представлений: использовать принцип интернационализма для мобилизации народа в решении национальных задач было не логично. В прямой связи с этим противоречием становится борьба с космополитизмом, в понятие которого пытались облечь изжившие себя теперь представления об интернационализме.

Во-вторых, война стала испытанием доверия народа к власти. А многие катастрофические неудачи в первый период войны были как раз связаны с ошибками и просчетами этой власти. В-третьих, более 70 миллионов советских граждан в годы войны оказались под непосредственным воздействием нацистской пропаганды (были в плену, в оккупации, угнаны в Германию). В-четвертых, советские солдаты, вступив в Европу, стали сравнивать тамошнюю жизнь со своей. Эти сравнения чаще всего были дополнительным испытанием для лояльности. В-пятых, Победа была достигнута не только ценой невиданных жертв, но и ценой духовных, психологических травм: люди попросту устали от лишений, страха, ожиданий. Многие

считали, что с победой наступит отдых, т.е. они готовились расслабиться. Но расслабление никак не согласовывалось с теми задачами, о которых велась речь. Для мобилизации необходимо было задействовать все имеющиеся средства пропаганды нужных настроений. Кроме печати и радио, которые и так находились под прямым государственным контролем, такими идеологическими средствами были кино, литература, театр, музыка. Партийные постановления 1946 – 1948 гг. окончательно превратили эти направления культурной жизни в средство мобилизации.

К началу 1950-х гг. ценой невероятных усилий СССР сумел воссоздать свою промышленность в таком виде, который позволил многократно повысить военный потенциал и решающим образом снизить угрозу нападения. Советский Союз обладал уже атомной бомбой (а вскоре была уже и водородная), и теперь начинать войну с ним Соединенным Штатам Америки было для себя очень опасно. Ликвидация фатальной угрозы войны создала предпосылку будущей «оттепели»: теперь перед страной уже не стояла необходимость столь форсированного развития, можно было обратиться к решению и социальных задач. Кроме того, исчезала необходимость столь жесткого вмешательства государства в жизнь граждан – как раз то, что и происходило во времена «оттепели».

Страна восстала из пепла в считанные годы, все осознавали ее возросшую военную и экономическую мощь, понимали мировое значение СССР, и все растущая убежденность во всемогуществе социалистического строя подтолкнула Сталина придать новое звучание советской идеологии.

Основу советской идеологии составлял образ светлого будущего, призванный компенсировать те лишения и оправдать те жертвы, которые несли люди для его приближения. В этом смысле идеология СССР мало отличалась от тех идеологий, которые использовались на более ранних, даже древних этапах российской государственности. Идеология всегда имеет главную цель – объяснить существующий порядок вещей, объединить власть с народом. Одним из первых, кто попытался придать идеологии конкретную и доступную форму, был Ярослав Мудрый. Возведя храм Святой Софии и Золотые Ворота в Киеве, он «объявил» тем самым на весь мир, что отныне Русь – Святая земля, именно здесь следует ожидать второго пришествия Иисуса Христа, и именно отсюда, с Руси, пойдет по всему миру Тысячелетнее Царство Господне. Так был создан образ светлого будущего, рая на земле,

¹¹ Там же. С. 82.

Политика и общество 8 (104) • 2013

а на Русь возлагалась миссия спасения мира. В этом же духе выстраивается и идеология «Москва – Третий Рим». Сила убежденности в священной миссии России и ее царей-помазанников была столь велика, что, несмотря на все зверства и сумасбродства помазанника Ивана Грозного, характерные скорее для средневековой Европы, чем для России, в стране не было ни одного сколько-нибудь крупного народного восстания. И, наоборот, как только в конце XVI в. династия помазанников пресеклась, тут же началась Смута: все цари, включая избранных на Земских Соборах, считались самозванцами. Во многом, поэтому весь последующий XVII в. был «бунташным».

Образ светлого будущего и представление о мессианской роли России в вопросе приближения этого будущего для всего человечества составляли основу и советской идеологии. На первых порах роль России, Советского Союза сводилась к подготовке мировой революции. Однако к концу жизни Сталин, решивший, что возможности социалистического строя безграничны, окончательно переориентировал идеологическую концепцию: он заключил, что поворот мира к социализму произойдет, если СССР в условиях мирного сосуществования одержит победу в экономическом соревновании с капиталистической системой. В своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» он конкретизировал цель производства при социализме – удовлетворение потребностей трудящихся. Теперь получалось, что советские люди просто обязаны жить лучше, чем кто бы то ни было. Однако одновременно люди усвоили, что успехом может считаться только превосходство над Америкой по всем статьям.

Со смертью Сталина исчез главный контролирующий субъект, а кроме того, были практически утрачены коммуникативные возможности для осуществления контроля над деятельностью основных государственных структур. Каждая из них обладала определенными возможностями и имела довольно существенные предпосылки для того, чтобы превратиться в сердце всего государственного организма. Таким образом могла бы восстановиться прежняя мобилизационная система. Путь к полновластию Н.С. Хрущева было бы неправильно сводить только к его личной борьбе с Л.П.Берией и Г.М. Маленковым: за личностями стояли структуры со своими особенными интересами. Поэтому Хрущев не ограничился только ликвидацией Берии, он поставил органы госбезопасности под строгий партийный контроль. Следующим препятствием на пути к полной власти партий-

ной бюрократии являлся Совет Министров во главе с Маленковым. Сначала Хрущев инициирует кампанию по борьбе с хозяйственным бюрократизмом, а затем вообще переходит к открытой атаке на Совет Министров, стремится расчленив и ослабить его с помощью децентрализации системы управления. Особым направлением борьбы за власть становится борьба двух концепций хозяйственного развития. Ярче всего это проявилось в принятии курса на освоение Целины. Подъем сельского хозяйства был неотложной задачей. Маленков предлагал решить проблему с помощью интенсификации имеющейся сельскохозяйственной производственной базы. Хрущев же ратовал за освоение Целины, то есть за продолжение экстенсивного развития. Эти предложения были отнюдь не случайны. Дело в том, что интенсивный путь развития предполагал утверждение на первых ролях именно специалистов, хозяйственников. И наоборот, экстенсивный путь оставлял широкие возможности для партийного директивного руководства. В результате, к концу 1950-х гг. КПСС оказывается главной и единственной надгосударственной структурой.

В ходе этой борьбы за власть был нанесен непоправимый ущерб всей мобилизационной системе. Ликвидация централизованного управления и ослабление контролирующих возможностей органов госбезопасности привели не только к снижению эффективности выполнения планов, но и подрыву самой системы планирования. Вместе с тем были нанесены мощнейшие удары и по идеологии. На XX съезде КПСС в феврале 1956 г. Хрущев выступает с развенчанием «культы личности», что приводит к дискредитации всей верхушки сталинского руководства, а затем и отстранению основных ее фигур от власти. Но одновременно выступление Хрущева ставит под сомнение и всю прежнюю сталинскую государственную стратегию, в основе которой лежала определенная идеология. Таким образом, хаотизируя идеологию, он вел дело к подрыву всей мобилизационной системы. Объективно требовались новые идеологические ориентиры: образу будущего необходимо было придать больше злободневности. Так, на XXI съезде прозвучало утверждение, что в Советском Союзе социализм построен полностью, а на XXII съезде была принята третья программа партии, где говорилось о развернутом строительстве коммунизма.

Политическая борьба, развернутая Хрущевым в 1950-е гг., нанесла удар не только по ее зримым основам – контролю и идеологии, но она еще привнесла и

Наследие и трансформации

новые методы политического руководства. На смену жестким, даже жестоким, методам сталинского контроля приходят новые методы – методы неформального управления, базирующиеся на неформальных связях и отношениях. Например, в борьбе с хозяйственными структурами, нуждающийся в союзниках Хрущев, пытался неформально опереться на поддержку регионов и республик. Хрущев шел на очень серьезные, никак не оправданные с точки зрения государственных интересов, уступки республикам, пример – передача Крыма Украине. Но как следствие такой политики – появление еще одной мощной силы в среде бюрократии – региональной элиты. Общим итогом политики Хрущева стало то, что, несмотря на его объективное стремление воссоздать сверхконтролирующие способности мобилизационной системы, его действия, диктуемые интересами партийного аппарата как особой элитной группы, привели к общему кризису всей системы.

Н.С. Хрущев, опиравшийся на партийную и региональную элиту, объективно способствовал их консолидации и повышению общего политического влияния. Постепенно он становился заложником партийной бюрократии. Некоторое время политические условия не позволяли Хрущеву применять методы контроля над всей ее массой, он был вынужден ограничиваться персональным отстранением соперников, но когда, казалось, власть ему стала принадлежать безраздельно, выяснилось, что оппонировать ей не отдельные персоны или их группировки, а партийная бюрократия в целом. Заговор против Хрущева и его смещение выразили отмеченную уже выше тенденцию в методах управления государством – тенденцию к неформальным связям и отношениям при решении вопросов, от которых зависела судьба всего государства. Новый руководитель – Л.И. Брежнев – являлся ставленником именно партийной бюрократии, которая при нем превратилась из «обслуги» государства в его хозяина.

Отмена ротации и фактическая несменяемость руководителей заставляет Брежнева искать формы контроля над управлением не в русле субординации, так как это бы могло быть воспринято как покушение на интересы номенклатуры в целом, а неформально, через доверенных людей, организованных в кланы и группировки. Социальная, идейная мотивация формирования элиты со временем почти полностью вытесняется групповыми интересами, карьеристскими амбициями, личной корыстью, паразитизмом. Реальное содержание политической деятельности все больше

отдаляется от ее формального назначения. Таким образом, первое из двух средств, необходимых для эффективной работы мобилизационной системы – контроль (или принуждение) – постепенно, но неуклонно приходило в негодность.

Следовательно, мотивацией к высокопроизводительному труду должна стать либо только беспримерная сознательность советских людей, либо необходимо включить какое-то новое средство, способное побудить их к этому. Косыгинская реформа и стала попыткой введения новой мотивации деятельности – материальной заинтересованности. Этот путь открывал перспективу постепенной трансформации мобилизационной модели, исчерпавшей уже свои исторические возможности, в инновационную. Однако введение новых – инновационных – стимулов происходило механически, без попыток взаимно приспособить их к прежним – мобилизационным средствам организации хозяйства. Материальная заинтересованность предполагает новый критерий эффективности – прибыльность (рентабельность), а регулятором прибыльности может быть только рынок. Противоречие между рынком и плановой системой управления не преодолимо, если эту систему не освободить от директивности. Но реформа проводилась одновременно с возрождением административно-отраслевого, то есть директивного управления. Бюрократия стала врагом рынка.

Врагом рынка была и идеология, именно в то самое время подготавливавшая советских людей к вступлению в «царство бескорыстия». Вопросом вопросов, заведшим реформу в тупик, стал вопрос об отношениях собственности. Именно из него вытекали вопросы об экономической самостоятельности и ответственности, а также заинтересованности. Решение этого вопроса в пользу многоукладности предполагало отказ от мобилизационного проекта, а следовательно нуждалось в глубокой ревизии официальной идеологии. Предпосылки к этому были – достаточно вспомнить последние статьи В.И. Ленина, где он признавал «перемену всей точки зрения нашей на социализм»¹². Но в данное время ни общество, ни руководители к этому не были готовы, реформа сама собой сошла на нет.

Таким образом, ответственность за развитие в рамках утвердившейся модели, ввиду кризиса контроля, падает преимущественно на идеологию. Однако идеологический ресурс, который был в избытке в начале пути, в брежневские времена оказался в дефи-

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. С. 376.

ците. Вот тогда-то в марксистско-ленинской идеологии и произошла роковая подмена: ресурс светлого будущего решили отложить, ради того, чтобы в полной мере «насладиться» достигнутым – развитым социализмом. Советская идеология перестала быть динамичной, возник идеологический застой. Сознанию советских людей была нанесена мировоззренческая травма: в привычные для них представления об идеалах, вдохновлявших прежние поколения на подвиги, втаскивалась спокойная, сытая, но тусклая действительность. Таким образом, идеология также оказалась не в силах обеспечить эффективность развития в русле мобилизации, и система стала медленно расшатываться и подгнивать.

Пришедший на смену Брежневу Ю.В. Андропов понимал, что речь идет о глубоком кризисе системы. Для того, чтобы вдохнуть жизнь в систему, прежде всего, нужно было восстановить контроль в широком смысле этого слова: над управлением, обществом, упорядочить все отношения, исключив из них неформальные связи – клановость, корпоративность, по сути, мафиозность. Вторая задача, которую Андропов намеревался решить – это необходимость актуализации идеологии. Можно с уверенностью сказать, что именно это он имел в виду, когда признался, что мы плохо знаем общество, в котором живем¹³. В этом русле Андропов и начал было действовать. То, что реформы намечались, свидетельствует ряд экспериментов, которые начали осуществляться в Грузии, Литве и Белоруссии¹⁴. Эти эксперименты очень напоминали черты косыгинской реформы, но в вопросах отношений собственности шли существенно дальше. Таким образом, вновь, как и в начальный период правления Брежнева, общий курс развития страны привел к «дилемме»: относиться к утвердившейся модели как к самодостаточной, или в рамках ее и с опорой на нее готовить переход к принципиально новой модели, раскрывающей более широкие возможности для инновации. Второй путь, таким образом, предполагал не только восстановление эффективного контроля, но и последующую трансформацию социальной и хозяйственной роли всех «элитных» групп, а следовательно, ревизию их властных возможностей. Все это не могло понравиться утвердившейся

у власти бюрократии, поэтому сразу же после кончины Ю.В. Андропова бюрократия попыталась взять реванш, возведя к власти К.У. Черненко – человека из брежневского окружения и близкого ему по духу.

Каждый приход к власти нового советского руководителя все больше определялся неформальными, клановыми отношениями. Не официальным путем готовилась кандидатура будущего правителя, а исключительно на основе каких-то соглашений, каких-то частных обязательств, откровенных интриг. Так обстояло дело и с появлением во главе государства М.С. Горбачева¹⁵. Таким образом, неформальные связи и отношения становятся базой для осуществления власти. Групповые интересы все больше питались связями за пределами среды бюрократии и приблизились, в конце концов, к прямым контактам с криминальной средой. Особенно ярко это стало проявляться после принятия курса на развитие рыночных отношений. Государственный интерес в политике объективно вытеснялся интересами кланов. Именно это обстоятельство, по всей видимости, и было ключевым в подготовке краха всей государственной системы: власть утратила в глазах народа свой смысл и, как следствие, был утрачен контроль над обществом. Политика, замешанная на балансе интересов кланов и группировок, не могла уже решать собственно государственные задачи, и, в конце концов, надежды народа, которые были в начале перестройки, сменились страшным разочарованием и обернулись полным пренебрежением лично к самому Горбачеву и ко всему тому, что он олицетворял, в том числе – к социалистическому строю.

Но подобное же происходило и в среде самих околовластных кланов: возвышение людей, на которых опирался Горбачев, естественно создавали угрозу для других, например, старых брежневских кадров, а также тех, которые выросли на местах, в национальных республиках. Ярким примером могут послужить события в декабре 1986 г. в Казахстане, в Алма-Ате. Тогда произошла смена руководства в республике, вместо Д.А. Кунаева был назначен Г.В. Колбин. Все дело заключалось в том, что русский Колбин никак не мог представлять интересы сложившегося при Кунаеве этнического клана. Ответом на это и стали массовые выступления казахской молодежи.

¹³ Андропов Ю.В. Карл Маркс и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. 1983. № 3. С. 20.

¹⁴ Барсенков А.С. Указ соч. С. 46–49.

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Полынов М.Ф.* Исторические предпосылки перестройки в СССР (вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг.). СПб., 2010. С. 427-438.

Это событие можно считать фактом-прогнозом: подобные процессы в разных формах происходили во всех республиках. А борьба национальных кланов за власть стала дополнительной подпиткой скрытого, гонимого, но не изжитого до конца национализма, а в ряде республик – сепаратизма. Этому способствовал сам Горбачев, который свою расшатывающуюся власть пытался удержать неформальными подпорками. Именно после визитов Горбачева и главного «архитектора перестройки» А.Н. Яковлева в Прибалтику там стали создаваться «народные фронты» – неформальные движения в «поддержку перестройки». На деле же, всю свою энергию эти фронты направили на борьбу с Центром. При этом на вооружение ими брались все идеи, которые могли, так или иначе, поставить власть в тупик, например, идеи свободы личности. В условиях банкротства официальной идеологии такие идеи становились особенно привлекательными. Таким образом, национализм и либерализм, причем в крайних формах антисоветизма и русофобии, постепенно становились мировоззренческой базой, на которой консолидировались, все, кто разочаровался в социализме.

В определенный момент ситуация стала неуправляемой. Этому способствовала и тактика руководства, направленная на умиротворение оппозиции с помощью уступок. Самый яркий тому пример – фактический отказ от борьбы за сохранение КПСС в качестве руководящей политической силы. В результате, стеновой хребет советской государственности был сломлен. Горбачев, потеряв контроль над страной, потерял и опору внутри самого руководства. В руководстве произошел раскол. Постепенно сформировался новый центр власти в лице Верховного Совета РСФСР, который возглавил Б.Н. Ельцин, как главный борец с советской бюрократией, привилегиями, главный защитник свобод и прав граждан, радатель восстановления поруганных прав национальностей и т.д. Вот это и предопределило крах Советского Союза.

Мы оставили в стороне внешний фактор, который сыграл, безусловно, одну из самых важных ролей в развале Союза, но, думается, что уже и без анализа этого фактора ясно, что внутренний кризис уже сам по себе нес смертельную для государства угрозу.

Главными причинами развала Советского Союза были кризис мобилизационной системы и возникший на этой почве кризис легитимности власти, а горбачевская перестройка стала не лекарством от болезни, а ядом. Однако все утверждения, что крах был неиз-

бежен, не выдерживают никакой критики, как только мы выйдем за рамки распространенных сегодня либеральных представлений об образцовом жизнеустройстве. Альтернативой могло стать продолжение андроповского курса. Для этого надо было преодолеть клановость, восстановить контроль над бюрократией, исключить из методов управления государством неформальные связи, коррупцию. Кроме того, необходимо было восстановить действенность идеологии, актуализировать ее, или, хотя бы, просто объяснить людям, что происходит.

Необходимы были также масштабные реформы инновационной направленности, но с безусловной опорой на мобилизационный стержень до тех пор, пока не будет накоплено достаточное количество ресурсов. По мере накопления ресурсов и разрядки кризиса, мобилизационная система могла бы безболезненно и естественным образом отмереть.

Однако клановая, мафиозная манера руководства сковывала политику власти: интересы государственные заслонялись интересами кланов. Выработать в этих условиях какую-то стратегию, подобную той, которую наметил Ю.В. Андропов, М.С. Горбачев попросту не сумел. Он был заложником клановой системы, и, в результате, отдал этим кланам власть.

Библиография:

1. Андропов Ю.В. Карл Маркс и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. 1983. № 3.
2. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
3. Барсенков А.С. Ведение в современную российскую историю 1985 – 1991 гг.: Курс лекций. М., 2002.
4. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917 – 2004. М., 2005.
5. Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2007.
6. Бутенко А.П. Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма // Социологические исследования. М., 1998. № 6.
7. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. 2-е изд. М., 2007.
8. Кара-Мурза С. Немецкий фашизм и русский коммунизм – два тоталитаризма // Сергей Кара-Мурза и др. Коммунизм и фашизм: братья или враги? М., 2008.

Политика и общество 8 (104) • 2013

9. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.
10. Павроз А.В. Группы интересов и трансформация политического режима в России. СПб., 2008.
11. Польшов М.Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР (вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг.). СПб., 2010.
12. Работяжев Н.В., Соловьев Э.Г. Феномен тоталитаризма: политическая теория и исторические метаморфозы. М., 2005.
13. Фонов А.А. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.
14. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. М., 1989.
4. Barsenkov A.S., Vdovin A.I. Istoriya Rossii. 1917 – 2004. М., 2005.
5. Bzhezinskiy Z. Esche odin shans. Tri prezidenta i krizis amerikanskoj sverhderzhavy. М., 2007.
6. Butenko A.P. Sociologicheskie voprosy istorii i teorii totalitarizma // Sociologicheskie issledovaniya. М., 1998. № 6.
7. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie elity Rossii. 2-e izd. М., 2007.
8. Kara-Murza S. Nemeckiy fashizm i russkiy kommunizm – dva totalitarizma // Sergey Kara-Murza i dr. Kommunizm i fashizm: brat'ya ili vragi? М., 2008.
9. Krasil'schikov V.A. Vdogonku za proshedshim vekom. Razvitie Rossii v veke s tochki zreniya mirovyh modernizacij. М., 1998.
10. Pavroz A.V. Gruppy interesov i transformaciya politicheskogo rezhima v Rossii. SPb., 2008.
11. Polynov M.F. Istoricheskie predposylki perestroyki v SSSR (vtoraya polovina 1940 – pervaya polovina 1980-h gg.). SPb., 2010.
12. Rabotyazhev N.V., Solov'ev E.G. Fenomen totalitarizma: politicheskaya teoriya i istoricheskie metamorfozy. М., 2005.
13. Fonotov A.A. Rossiya: ot mobilizacionnogo obshchestva k innovacionnomu. М., 1993.
14. Frolov I.T. O cheloveke i gumanizme. М., 1989.

References (transliteration):

1. Andropov Yu.V. Karl Marks i nekotorye voprosy socialisticheskogo stroitel'stva v SSSR // Kommunist. 1983. № 3.
2. Arendt H. Istoki totalitarizma. М., 1996.
3. Barsenkov A.S. Vedenie v sovremennuyu rossijskuyu istoriyu 1985 – 1991 gg.: Kurs lekcij. М., 2002.
4. Barsenkov A.S., Vdovin A.I. Istoriya Rossii. 1917 – 2004. М., 2005.
5. Bzhezinskiy Z. Esche odin shans. Tri prezidenta i krizis amerikanskoj sverhderzhavy. М., 2007.
6. Butenko A.P. Sociologicheskie voprosy istorii i teorii totalitarizma // Sociologicheskie issledovaniya. М., 1998. № 6.
7. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie elity Rossii. 2-e izd. М., 2007.
8. Kara-Murza S. Nemeckiy fashizm i russkiy kommunizm – dva totalitarizma // Sergey Kara-Murza i dr. Kommunizm i fashizm: brat'ya ili vragi? М., 2008.
9. Krasil'schikov V.A. Vdogonku za proshedshim vekom. Razvitie Rossii v veke s tochki zreniya mirovyh modernizacij. М., 1998.
10. Pavroz A.V. Gruppy interesov i transformaciya politicheskogo rezhima v Rossii. SPb., 2008.
11. Polynov M.F. Istoricheskie predposylki perestroyki v SSSR (vtoraya polovina 1940 – pervaya polovina 1980-h gg.). SPb., 2010.
12. Rabotyazhev N.V., Solov'ev E.G. Fenomen totalitarizma: politicheskaya teoriya i istoricheskie metamorfozy. М., 2005.
13. Fonotov A.A. Rossiya: ot mobilizacionnogo obshchestva k innovacionnomu. М., 1993.
14. Frolov I.T. O cheloveke i gumanizme. М., 1989.